

М. Ф. НИКОЛЕВА

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ

ЖИЗНЬ
ТВОРЧЕСТВО

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул Горького, 43, Дом детской книги.

Маргарита Федоровна Николева

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ

Для старшего возраста

Ответственный редактор
Б. В. Лунин

Художественный редактор
Г. С. Вебер

Технический редактор
В. А. Голубева.

Корректоры
Р. С. Мишелевич и Е. Н. Трушкова.

Сдано в набор 24/VIII 1955 г. Подписано к печати 29/III 1956 г. Формат 84 × 108^{1/32} — 18,63 = 15,3 усл. печ. л. (14,67 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А04217 Заказ № 267. Детгиз. Москва. М. Черкасский пер., 1. Цена 7 руб.

2-я ф-ка деткниги Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Детство	3
Переезд Лермонтова в Москву. Поступление в университетский Благородный пансион	26
Лето в Средннкове	45
В Московском университете	53
Переезд в Петербург	87
Лермонтов в гвардейской школе	95
Первые два года офицерской жизни	105
Стихотворение «Смерть поэта»	124
Первая ссылка на Кавказ	135
Возвращение из ссылки в Петербург	148
Дуэль с Барантом и вторая ссылка на Кавказ	185
Жизнь Лермонтова на Кавказе. Участие в военных походах	222
Отпуск в Петербург	235
Возвращение на Кавказ. Жизнь в Пятигорске	253
Дуэль и смерть	272
Заключение	282

М. Ф. Николева

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ

ЖИЗНЬ
И
ТВОРЧЕСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Детской литературы,

МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

МОСКВА

1956

Оформление С. М. Пожарского

Детство.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в 1814 году 3(15) октября, в Москве.

О родителях Лермонтова сохранилось очень мало сведений.

Отец его, Юрий Петрович Лермонтов, происходил из семьи мелкого помещика Тульской губернии. Учился он в Первом кадетском корпусе в Петербурге. По окончании курса служил в этом же корпусе в качестве воспитателя. В 1811 году, всего лишь двадцати четырех лет, он по неизвестным причинам вышел в отставку в чине капитана.

Юрий Петрович поселился вместе с матерью и пятью сестрами в своем маленьком имении Кропотово, в Тульской губернии.

По соседству с Лермонтовыми жили помещики Арсеньевы — несколько братьев и сестер, с которыми был дружен Юрий Петрович. К Арсеньевым иногда наезжала вдова одного из братьев, помещица Пензенской губернии, владелица села Тарханы, Елизавета Алексеевна Арсеньева со своей единственной молоденькой дочерью, Марией Михайловной.

Мария Михайловна стала невестой Юрия Петровича. Елизавета Алексеевна не сочувствовала выбору дочери, находя, что Юрий Петрович — бедный, без связей, без карьеры впереди — недостойн войти в родство со знатными Арсеньевыми и особенно со Столыпинами, из рода которых она происходила.

Отец Елизаветы Алексеевны — А. Е. Столыпин владел большими поместьями в Симбирской и Пензенской губерниях; в последней он был предводителем дворянства. Близость его с графом А. Г. Орловым, приближенным Екатерины Второй, ввела его в среду титулованной придворной знати. Сам Столыпин не получил широкого образования, но дал своим детям, шестерым сыновьям и пяти дочерям, хорошее образование. Все дети отличались большой даровитостью и твердостью характера.

Арсеньевы, родственники Елизаветы Алексеевны по мужу, вели свой род от мурзы Золотой Орды — Ослана, который в XIV веке перешел на службу к московскому князю и по имени сына Арсения положил начало роду Арсеньевых.

Так же как и об отце поэта, до нас дошло немного сведений и о его матери, Марии Михайловне. Не осталось ни писем ее, ни воспоминаний о ней. Сохранился лишь один альбом, в который она вносила любимые стихи и заметки о дружбе и любви. В альбоме Марии Михайловны есть и ее собственные стихи, грустные, чувствительные. Стихи и записи в альбоме указывают, что она обладала глубокой, поэтической и нежной натурой.

Среди тарханских старожил о ней сохранилась память как о девушке участливой, внимательной к нуждам крестьян.

Горячее чувство Марии Михайловны к Юрию Петровичу заставило Елизавету Алексеевну уступить и дать свое согласие на ее брак с ним.

Расстаться с любимой дочерью Арсеньева не могла, и молодые стали жить вместе с ней в Тарханах (ныне село Лермонтово), Пензенской губернии. Елизавета Алексеевна предоставила зятю управлять имением.

Когда стало приближаться время рождения ребенка, молодые супруги и Елизавета Алексеевна переехали в Москву. Наняли квартиру близ Красных ворот, на Садовой улице, в доме № 2. Здесь и родился будущий великий поэт.

Ранней весной 1815 года молодые Лермонтовы возвратились в Тарханы.

Семейное счастье Лермонтовых было непродолжительным. Когда и чем оно было нарушено, остается не совсем ясным.

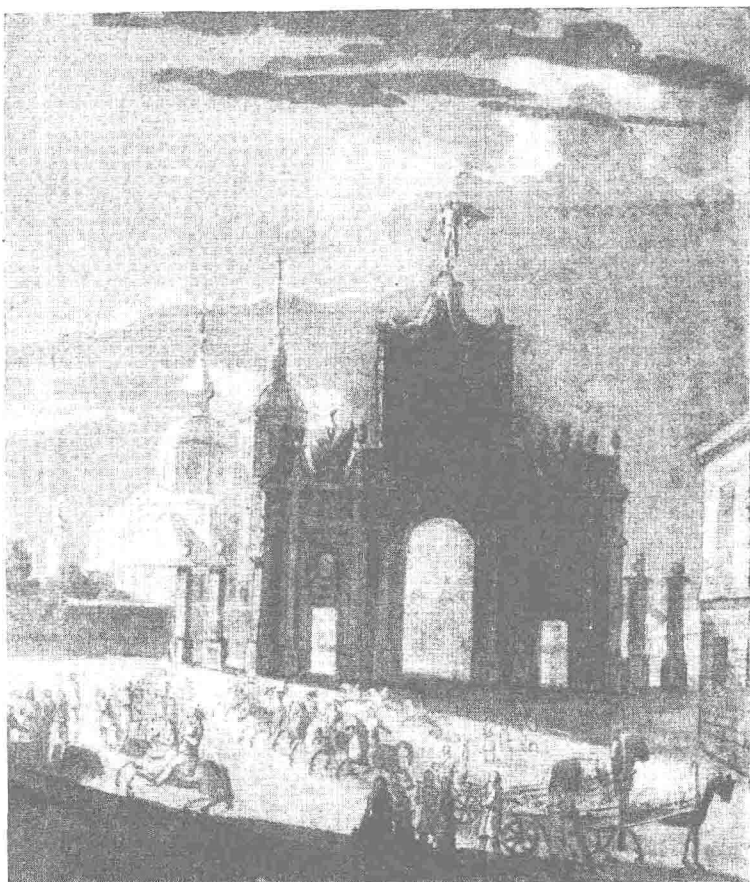
В 1815 году умерла мать Юрия Петровича, и он стал часто отлучаться из Тархан в Кропотово — надо было помогать сестрам в хозяйстве.

В одну из отлучек Юрия Петровича в Кропотово, в августе 1816 года, Мария Михайловна в своем альбоме написала простое и искреннее стихотворение, обращенное к Юрию Петровичу, из которого видно, что ее глубокое чувство к мужу оставалось неизменным:

Кто сердцу может быть милее,
Бесценный друг, тебя?
Без воздуха могу скорее
Прожить, чем без тебя.
Всю радость в жизни, утешенье
Имею от тебя.
С тобой повсюду наслажденье,
И мрачность без тебя.

Юрий Петрович ответил Марии Михайловне тоже стихами собственного сочинения, но вычурными и неискренними. Видимо, с его стороны уже начиналось охлаждение.

Слабое здоровье Марии Михайловны, может быть, под влиянием семейных неприятностей стало быстро ухудшаться: у нее развилась скоротечная чахотка. 24 февраля 1817 года, не достигнув двадцати двух лет, Мария Михайловна скончалась.

Москва. Красные ворота. Справа видна часть дома, в котором родился Лермонтов.

Акварель неизвестного художника. 1797.

Смерть дочери еще больше усилила вражду Елизаветы Алексеевны к Юрию Петровичу. Насколько обострились их отношения, красноречиво говорит тот факт, что через день после похорон дочери, 28 февраля, убитая горем Елизавета Алексеевна должна была улаживать какие-то денежные счета с зятем. Она выдала письменное обязательство в течение года выплатить Юрию Петровичу

двадцать пять тысяч рублей с процентами и должна была ехать в Чембары свидетельствовать это обязательство в уездном суде. Юрий Петрович уехал из Тархан в Кропотово, оставив сына временно у Елизаветы Алексеевны. Через три месяца Юрий Петрович явился в Тарханы и потребовал сына к себе. Перед Елизаветой Алексеевной возник мучительный для нее вопрос о разлуке с внуком.

Елизавета Алексеевна после смерти дочери всю любовь к ней перенесла на внука. В нем был весь смысл ее жизни. Расстаться с ним было выше ее сил. «Во внуке том, — писала она впоследствии, — я полагала все мое благо на земле, им существовала, им дышала».

Чтобы отстоять свои слабые права на внука, Елизавета Алексеевна решила прибегнуть к крайнему средству: написала завещание, в котором все свое движимое и недвижимое имущество завещала Михаилу Юрьевичу, но при условии, если отец оставит его до совершеннолетия у нее на воспитании; в противном случае имение должно было перейти в род Столыпиных.

Юрий Петрович, понимая, что он не в состоянии дать сыну такое воспитание, какое дала бы ему богатая бабушка, в интересах сына поступился своим чувством и оставил ребенка у бабушки до шестнадцати лет. Он изредка навещал сына, но больше не требовал его к себе.

Елизавета Алексеевна всецело отдалась заботам о внуке.

Воспоминаний о раннем воспитании Лермонтова сохранилось очень мало.

Некоторые бытовые подробности о детстве Лермонтова можно найти в рассказах тарханских старожил.

«Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что для него не жалела ничего, ни в чем ему не отказывала. Все ходили кругом да около Миши. Все должны были угождать ему, забавлять его. Зимой устраивалась гора, на ней катали Михаила Юрьевича, и вся дворня, собравшись, потешала его. Святками каждый вечер приходили в барские покои ряженные из дворовых, плясали, пели, играли, кто во что горазд».

В неоконченной автобиографической повести «Я хочу рассказать вам» Лермонтов описал детство Саши Арбекина и в это описание вложил много им самим пережитого. «Зимой горничные девушки приходили шить и вязать

М. М. Лермонтова — мать поэта.

*Портрет неизвестного художника.
Начало XIX века.*

в детскую, во-первых, потому что няне Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторых, чтобы потешать маленького барчонка. Саше было с ними очень весело. Они его ласкали и целовали непрерывно, рассказывали ему сказки про волжских разбойников, и его воображение наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятиями противуобщественными».

Маленький мальчик, окруженный ласкою и заботами бабушки, был общим баловнем и привык чувствовать себя центром

этого небольшого усадебного мирка.

Лермонтов в лице Саши Арбенина характеризует себя как преизбалованного и пресвоевольного ребенка¹.

¹ Подтверждение своеволия Лермонтова-ребенка мы находим в любопытном рассказе У. Г. Кормилициной, правнучки «мамушки» Лермонтова, слышанном нами от нее в Тарханах. Она передавала его со слов своего деда Степана, товарища детства Лермонтова.

«Пришли, говорит, раз мы с мамушкой к барыне, она стоит во дворе у крыльца и не смотрит, и не говорит с нами, а с того конца двора (а двор у них большущий был!) скачет Миша верхом на лошади и прямо на нас, во всю мочь, лошадь индо рот разинула. Барыня протянула руки и кричит: «Мишенька, довольно, Мишенька, остановись...» А он посмотрел на нее и рассмеялся, да как повернет лошадь и помчался еще пуще, индо рубашечка на нем пузырем надулась... Накатался и прибежал. Что же, барыня его бить стала? Ругать стала?... Ни-ни. Поправила ему волосики, и все тут».

У. Г. Кормилицина рассказывала и другой случай, тоже со слов деда.

«Собрались раз все к завтраку, а Миши нет. Два барчонка, что жили у барыни, играли в саду, барыня и немка думали, что и Михаил Юрьевич с ними играет, и не хватились, что его нет.

Не стали завтракать. Туда-сюда, нигде нет. Барыня всю дворню подняла. Девки бегали и в сады, и в лес, кричали, звали — не от-

В раннем детстве Лермонтов перенес тяжелую болезнь, которая имела большое влияние на его характер. Он об этом рассказывает в том же отрывке повести, описывая болезнь Саши.

«Бог знает, какое направление принял бы его характер, если б не пришла на помощь корь... — пишет Лермонтов о Саше Арбенине, то-есть о себе. — ...тяжелый недуг оставил его в совершенном расслаблении: он не мог ходить, не мог приподнять ложки... Болезнь эта имела важные следствия и странное влияние на

ум и характер Саши: он выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой... В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, он уже привык побеждать страдания тела, увлекаясь грезами души. Он воображал себя волжским разбойником, среди синих и студеных волн, в тени дремучих лесов, в шуме битв, в ночных наездах при звуке песен, под свистом волжской бури...»

Этот отрывок является ценнейшим свидетельством того, как рано и с какой силой пробудились в Лермонтове-ребенке впечатлительность, поэтическое воображение и фан-

кликался. Дворня ходила по берегу пруда, реки — искали следов... Нет! Что было в усадьбе — сказать нельзя! Бегут девушки из лесу, плачут, что не нашли. А им навстречу мужик с поля ехал. Они к нему — не видал ли... Он сказал, что сейчас проезжал ржаным полем и видел — во ржи торчали ребячьи головы. Они бегом туда. Видят, Миша сидит над норкой суслика и смотрит, а с ним ребята такие же, как он, из дворни. Зовут его, а он сердается, что мешают. Прибежала немка, чуть дышала, и увела его. Вишь ты, захотелось ему посмотреть, как суслики живут...»

Ю. П. Лермонтов — отец поэта.

*Портрет неизвестного художника.
Начало XIX века.*

М. Ю. Лермонтов в детском возрасте.
Портрет неизвестного художника. Начало XIX века.

тазия и как рано он начал жить тревожным, скрываемым от окружающих внутренним миром.

Глубокое психологическое значение имеет указание поэта: больной ребенок в течение долгих бессонниц «привык побеждать страдания тела, увлекаясь грезами души». В этом уже сказывались первые признаки сильного характера поэта. Пылкое воображение Лермонтова-ребенка создавало поэтические образы суровой природы и людей

дикой храбрости, создавало целые картины, полные бурь и битв.

Эти грезы ребенка так характерны для всего душевного склада Лермонтова и его поэзии.

Лермонтов, вероятно, ни читать, ни писать еще не умел, а творческие силы бродили в нем и уже волновали его беспокойную душу.

... пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели... —

признается поэт в одном из ранних юношеских стихотворений. Одно слово «грызет» ясно говорит нам, как сильны и тревожны были детские впечатления Лермонтова.

О силе детских переживаний Лермонтова говорит другое место отрывка: скрытый огонь «обхватил все существо бедного ребенка». В некоторых юношеских стихотворениях поэт дает подтверждение этого чрезвычайно важного признания:

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне...

В детстве Лермонтов порой чувствовал неясное брожение творческих сил и волнения, порывы, вызываемые ими, но осознать их он, конечно, еще не мог. Позже он определил их как «скрытый огонь» и «пламень неземной». Этот «пламень неземной» и был тем даром поэтического творчества, который в юности в нем пробудился, перешел «в страшную жажду песнопенья» и привел Лермонтова на путь поэта.

Гениальные люди проявляют свою исключительность еще в раннем возрасте. Внешне они живут, как и все дети, а их внутренний сложный мир, им самим неясный, остается никому не ведом. Об этом мы часто узнаем впоследствии от них самих.

Белинский с изумительной прозорливостью высказал по этому вопросу в 1841 году простую, но мудрую мысль: «... Поэт... Еще дитя, он уже сильнее других сознает свое родство со вселенной, свою кровную связь с нею; юноша — он уже переводит на понятный язык ее немую речь, ее таинственный лепет».

И как непреложное свидетельство этого Белинский

привел стихотворение Пушкина о его раннем восприятии окружающего мира:

Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье;
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава...

Если Пушкина, жизнерадостного, гармоничного по природе, росшего вместе с братом и сестрой, рано беспокоил «какой-то демон» в играх и досуге и голова его была полна «пламенным недугом», то значительно раньше и сильнее охватил этот «недуг» одинокого ребенка — Лермонтова, оторванного болезнью от мира детских интересов:

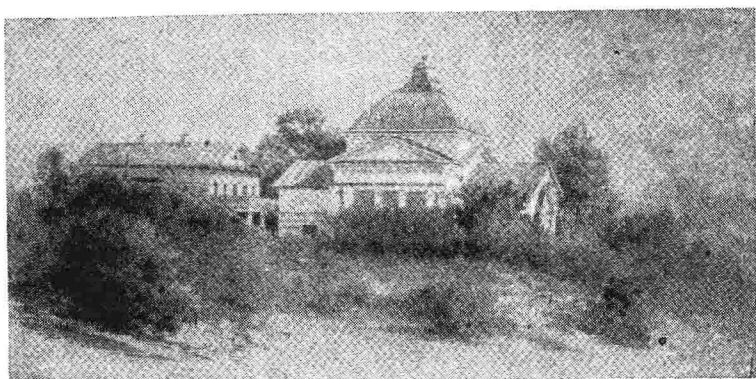
Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.

Во многих юношеских стихотворениях Лермонтов говорит, что ранние детские переживания его проявлялись в тревожных, сильных порывах. Они уносили его от обыденной, будничной обстановки, наполняли «грезами», которым он не мог еще найти выражения и переносил их на образы природы:

Как ужасы пленяли юный дух,
Как я рвался на волю, к облакам!

Перенесенная Лермонтовым болезнь долго сказывалась на его общем физическом состоянии: «... оставила его в совершенном расслаблении: он не мог ходить». В ногах Михаила Юрьевича, по словам Елизаветы Алексеевны, появилась кривизна, которая осталась на всю жизнь. На шестом году жизни, летом 1820 года, бабушка во второй раз повезла внука на Кавказ, на серные ванны (в первый раз они ездили туда в 1818 году).

Труден был тогда такой длинный путь, а на Северном Кавказе — особенно. Война на Кавказе была еще далеко не закончена, хотя фронт был уже отодвинут от района

Дом в усадьбе Тарханы, принадлежавшей бабушке Лермонтова.

Рисунок А. Бильдерлинга. 1883.

Минеральных Вод к югу. Горцы-мусульмане, подстрекаемые своим духовенством, не успокаивались, совершали набеги на мирное русское население, подстерегали путников и нападали на больших дорогах. Они переправлялись небольшими отрядами через пограничные реки, разделялись на небольшие партии и разъезжались в разные стороны. Засев в ущельях гор, в укромных лесных местах, в зрительные трубы (которые они получали из Англии) высматривали, не видно ли по дороге обоза или путешественников с небольшим конвоем. В подходящем случае мгновенно нападали, грабили и так же мгновенно с добычей исчезали. Спокойнее, хотя очень медленно, можно было ездить только с так называемыми «оказиями», а они отправлялись из Ставрополя очень редко. «Оказия» состояла из небольшого пехотного подразделения с пушкой и вооруженного казачьего конвоя, который охранял в пути военные грузы и продовольствие для гарнизона. К такой «оказии» присоединялись люди, едущие по казенной надобности, и гражданские лица. Получался огромный караван.

Труден и опасен был путь. Но не было жертвы, которую не согласилась бы принести Елизавета Алексеевна для блага безгранично любимого внука. И жертва ее была не напрасна: ванны помогли Михаилу Юрьевичу.

По возвращении с Кавказа бабушка поселила в своем

доме врача для постоянного наблюдения за здоровьем Михаила Юрьевича.

Мальчику исполнилось шесть лет. Надо было начинать его учить.

Бабушка, заботясь о дальнейшем воспитании внука, приняла разумное решение: для совместного обучения она взяла к себе в дом его одноклассника — сына сестры Юрия Петровича, Мишу Пожогина-Отрашкевича, и сына Давыдовых, соседей по имению, чтобы мальчик не был одинок и учился охотнее.

Все три мальчика вместе начали учиться грамоте.

Отрашкевич впоследствии рассказывал о времени, проведенном в Тарханах. По его словам, Лермонтов «был ребенком слабого здоровья, что, впрочем, не мешало ему быть бойким, резвым и шаловливым. . . В нем обнаружился нрав добрый, чувствительный, с товарищами детства был обязателен и услужлив, но вместе с этими качествами в нем особенно высказывалась настойчивость. . . В играх с товарищами Михаил Юрьевич был всегда командиром».

Как ни баловали бабушка и все окружающие Лермонтова, чем развивали в нем дух своеволия и настойчивости, все-таки это не изменило его характера: его «нрав добрый, чувствительный» проявлялся не только по отношению к товарищам, но и ко всему дворовому населению. Об этом свидетельствуют многочисленные рассказы тарханских старожилов и некоторые документы.

В 1825 году для окончательного укрепления здоровья внука Елизавета Алексеевна повезла его на Горячие воды в третий раз. Ему было десять с половиной лет. Отправились целым караваном: слуги, гувернер-француз Капэ, бонна Христина Ремер, доктор, Миша Отрашкевич и большая семья родственников из Пензы.

Ехали от Ставрополя примерно в тех же условиях, как и в 1820 году, — с «оказией».

В это время на Горячих водах жила в своем небольшом доме сестра Елизаветы Алексеевны генеральша Е. А. Хастатова. Разместить такую массу гостей кое-как можно было, а обслужить их ей было трудно. Поэтому Елизавета Алексеевна везла с собой на отдельной подводе все необходимое для жилья: подушки, перины, посуду и кое-что из провианта.